

Дошкольник становится школьником

У родителей, отправляющих детей в первый класс, возникает множество вопросов, они не всегда знают, как вести себя со своими детьми, которые стали школьниками. Профессор Валентина Дмитриевна Еремеева, заведующая кафедрой педагогики детства СПбАППО, в своем материале раскрывает особенности физиологии и психологии детей, переходящих в иной возраст.

Эта статья может быть использована как материал для бесед с родителями первоклассников. А вам, коллеги, поможет лучше понять специфику мышления ваших новых учеников.

И вот он приближается – тот день, когда ваша дочка или сын впервые войдут в школьный класс. Но еще раньше начинается тревожный и радостный этап жизни – подготовка ребенка к школе. И среди прочих важных забот одна, наверное, тревожит больше других: «А готов ли мой ребенок стать школьником? Как он войдет в школьную жизнь? Как справится с первыми школьными трудностями?» Если эти вопросы возникают, значит, этот разговор – для вас.

Итак, ребенку шесть лет. Если мы посмотрим на группу шестилетних детей, то увидим, что не все они кажутся одногодками. Вот этот, хоть ему и шесть лет, выглядит и ведет себя как пятилетний. А этому вполне можно дать семь, он явно взрослее своих сверстников. Почему так? Оказывается, кроме так называемого «паспортного» возраста, у каждого ребенка есть еще и биологический. А биологические часы у всех идут немножко по-разному. И это ни хорошо, ни плохо. Просто это надо учитывать.

Мальчики в этом возрасте в среднем почти на целый год младше своих сверстниц.

Развитие ребенка идет скачками, и не исключено, что тот, кто сейчас как бы отстает от ровесников (по биологическому возрасту), в какой-то момент не только догонит, но и перегонит многих из них. Но в школу, к сожалению, детей принимают по паспортному возрасту. А это значит, что они оказываются не в равных условиях: одни из них старше, а другие младше. Естественно, тем, кто мал, будет труднее. В этом возрасте каждый месяц значит очень много.

Давайте разберемся по порядку с особенностями шестилеток. Сначала немного физиологии и психофизиологии. У ребенка этого возраста очень слабая мускулатура, управляющая сохранением определенной позы. А это значит, что он может без усталости бегать и прыгать, а вот сохранять одну и ту же позу в течение даже пятнадцати минут для него сложно. Он устает, у него возникают неприятные ощущения в спине, шее, руках. Ему срочно нужно подвигаться, сменить позу. Если мы ему этого не позволили, то думать об учебе в таком состоянии первоклассник все равно не сможет. Поэтому физкультпаузы придуманы не зря. Они очень важны не только для первоклассника, но, в той или иной мере, для всех учеников начальной школы.

Другая особенность физиологии дошкольника – ребенок в этом возрасте обычно слегка дальновзорок. Кроме того, у шестилеток низкие резервы аккомодации¹. А это значит, что если первоклассник смотрел в тетрадь или книгу, а потом перевел взгляд на доску, то какое-то время он видит нечетко, расплывчато. То же самое происходит, если он перевел взгляд с доски или с учителя в книгу. Ребенок не может начать читать или писать, пока его глаза не перестроятся на ближнее зрение. Не надо его торопить!

Кроме того, для ребенка очень важно, чтобы поверхность, на которой лежит книга или тетрадь, была наклонной и параллельной той плоскости, в которой находятся его глаза. Если этого нет, то у него возникает эффект «оптической перспективы», и он четко не видит. Ребенок пытается выйти из положения, наклонив голову и все туловище. А мы одергиваем его: «А ну-ка сядь прямо!» Но одновременно и сидеть прямо, и четко видеть буквы он не может. Мы часто требуем от ребенка невозможного. При чтении книга обязательно должна стоять на подставке, а при письме крышка парты должна иметь наклон. К сожалению, в школе вместо парт обычно стоят столы.

Если взглянуть на человека как на биологическое существо, то окажется, что наше тело не полностью приспособлено к той жизни, которую мы ведем. Оно приспособлено для ходьбы, бега и в меньшей степени для сидения на стуле. И уж совсем противоестественной для нашего организма является поза письма. Природа не предусмотрела, что наши дети, с их неокрепшим скелетом и мышцами, будут столько времени проводить в этой скрюченной позе.

Биохимия организма тоже требует высокой мышечной активности, так как только в этом случае возникают условия для нормального протекания многих биохимических реакций, для создания того «строительного материала», из которого будут «построены» клетки нашего тела. Мы с вами, взрослые, хорошо ли, плохо ли, но тело свое уже построили. А ребенок? Чтобы нормально расти и развиваться, он должен много двигаться. Иначе вместо крепкого здорового тела он получит некое хлипкое сооружение, в котором, образно говоря, нарушено нормальное соотношение песка и цемента, и которое может рухнуть при любой хоть сколько-нибудь неординарной ситуации. Больше всего при этом страдает самый тонко устроенный человеческий орган – мозг.

Мозг шестилетнего ребенка кардинально отличается не только от мозга взрослого человека, но даже от мозга семилетнего. Рассмотрим особенности развития только двух, но наиболее сложно организованных ассоциативных областей: лобной и нижнетеменной. Обе они начинают функционировать очень рано, но достигают зрелости позже других. Один из скачков в их развитии приходится на семь лет. На семь, а не на шесть!

Лобные области отвечают за программирование и прогнозирование деятельности, за выстраивание гипотез и сличение того, что произошло, с тем, что было задумано. Это «главнокомандующие» мозга. Они регулируют тонус и бодрствование, уровень активности человека.

У ребенка лобные области еще незрелы, поэтому ему трудно составлять и удерживать длинные программы действий, выполнять многошаговые инструкции. Мы часто задаем ребенку целую цепочку инструкций, и если он пропустил какое-то звено, ругаем его за невнимательность и непослушание. А он, в силу возраста, просто не способен это сделать.

Он импульсивен и часто не может прогнозировать результаты своих действий. Мы говорим: «Ты что, не понимаешь, что могло бы случиться?!» А он действительно в тот момент не понимал. Для такого возраста это нормально. А вот мы, взрослые, должны были предвидеть последствия и обезопасить ребенка от принятия неверных решений, если их последствия опасны.

Кроме того, мы, взрослые, можем волевым усилием заставить себя что-то делать, даже если устали, не выспались или дело нам неинтересно. Для ребенка же это невероятно трудно, а часто даже невозможно, так как его лобные области еще недостаточно развиты.

Нижнетеменные области тоже выполняют массу очень сложных функций, но мы рассмотрим лишь одну – восприятие пространства и пространственное мышление. Нередко мы наблюдаем, как ребенок хорошо определяет время по электронным часам с цифрами, но никак не может справиться с часами со стрелками: не разберет, где 15 минут, а где без 15. Родители сердятся: «Я тебе сто раз объясняла (объяснял), ты что, запомнить не можешь?» Но память здесь ни при чем: у ребенка пока еще недостаточно развита нижнетеменная область мозга, и задача с часами ему не по силам. То же самое происходит в отношении правой и левой стороны. Кто-то из шестилеток четко различает правое и левое, а для кого-то это пока очень трудная задача. И не потому, что он «глупый», а просто он маленький. Немного терпения. Нижнетеменная область не может развиваться по нашему приказу.

Попробуйте продиктовать ребенку четыре или хотя бы три цифры и попросите его повторить их в обратном порядке. Не получается? Не огорчайтесь. Больше 40% пятиклассников тоже не справляются с этой задачей с первого раза. Это ведь не просто запоминание, а мысленные пространственные операции.

Первоклассник часто пишет буквы или цифры зеркально. В шесть лет это нормально. Вы уже, наверное, поняли, почему. При операциях с числами, особенно при переходе через десяток, тоже могут быть трудности, связанные с незрелостью нижнетеменной области. Не сердитесь на ребенка и не ругайте его. Стыдно ругать за то, что мозг ребенка еще находится в развитии. У него все впереди.

Наша речь тоже во многом построена на пространственных отношениях. «Брат отца» и «отец брата» – это одно и то же? И вообще, это один человек или два? «Мать любит дочь» и «дочь любит мать» – это одно и то же? В обеих фразах три совершенно одинаковых слова, только порядок иной, а смысл разный. А ребенок чувствует эту разницу? Может быть, это чувство должно быть врожденным? Оказывается – нет, иначе не было бы в мире языков правоветвящихся (каким является русский язык) и левоветвящихся, в которых подобные фразы строятся противоположным образом. Мы что-то говорим ребенку и думаем, что он нас понимает: он ведь уже большой и говорит хорошо. Оказывается, понимает-то не всегда, иногда просто догадывается по ситуации, а если ситуация неопределенна, то он может нас просто не понять. А мы опять сердимся: «Ты что, русского языка не понимаешь?» Да, иногда не понимает, и это тоже нормально для шестилеток. Мы давали ученикам пятых и шестых классов две фразы: «платье задело весло» и «весло задело платье», – и просили сказать, есть ли между ними смысловая разница. От 20 до 30% учеников гимназии этой разницы не почувствовали, даже тогда, когда их попросили найти в этих предложениях подлежащее.

Итак, мозг первоклассника еще незрел, и поэтому его восприятие, мышление, память, эмоции организуются по другим законам, чем у взрослых. Мы по-разному чувствуем, видим, слышим, осязаем. Но каждый из нас всегда сравнивает ребенка или любого другого человека с самим собой. У нас нет другого критерия. Поэтому мы с вами не всегда способны понять своего ребенка. Нам кажется: если я вижу, то и он видит, я понимаю – значит, и он должен понимать, мне так легче – значит, и ему должно быть легче, когда он что-то делает именно так, а не иначе. Но возьмем такой пример: ребенок пишет в тетради палочки. Мы видим – палочки неровные, наклон разный. А он это видит? Оказывается, не всегда. Доказано, что только в четыре года ребенок начинает четко чувствовать параллельность вертикальных линий, в пять лет – горизонтальных и только в шесть лет – наклонных. Но ведь шесть лет – это по биологическому возрасту, а не по паспортному (причем когда ребенок устает, он как бы спускается на одну возрастную ступеньку ниже). А что видим мы? Вот первоклассник старательно написал почти целую строчку ровных палочек, а несколько последних получились кривыми. Мы опять сердимся: «Ты что, не видишь, что палочки кривые? Ты не стараешься, ты спешишь!» А он по-прежнему очень старается, но уже устал и просто не видит, что палочки неровные.

Нам бывает трудно понять нашего ребенка, потому что мы с ним живем как бы в разных мирах. Каждый из нас на основе своего опыта строит свою модель мира и, в определенной степени, оберегает ее от изменений. Было бы трудно жить, если бы наша модель мира ежеминутно менялась. Новые знания, события, чувства, мотивы, конечно, несколько трансформируют такую модель, но для этого должны быть очень веские основания. Нам ну-

жен незыблемый фундамент, основа, остов, на котором мы можем надстраивать новые знания.

У ребенка тоже должен быть такой фундамент. Ему тем более трудно жить в беспорядочно трансформирующемся мире, и он особым образом усваивает законы построения мира, в котором живет. Но модели мира у нас и у детей разные. Мы отсекали от своей модели ненужные детали, разбили весь мир на блоки, присвоив каждому название. А у ребенка мир целостный, без промежутков и швов. Мы воспринимаем только то, на что настроены, все остальное мозг фильтрует и не допускает в сознание. А у детей фильтр иной. Приведу такой пример. Как вы думаете, к одному прибавить один - всегда будет два? Большинство взрослых отвечает утвердительно. Но представьте себе такую картину: одна капля воды и еще одна капля воды - будет одна капля воды, но большая. Разве вы не знали, что две капли воды сливаются в одну? Знали. Но мы с вами негласно условились капли воды и тому подобное не считать. А ребенок тоже вместе с нами принимал такое условие? Конечно, нет. Он знает, что может быть и такое: $1 + 1 = 1$. Он это много раз видел! А мы требуем принять на веру: один плюс один всегда два. Мы видим мир таким, каким его принято видеть, а ребенок таким, какой он есть на самом деле. Отсюда часто возникает непонимание.

Для нормального развития психики ребенку необходимо чувство защищенности. Это мы наблюдаем даже у животных. Специалисты долго не могли понять, почему часто гибли детеныши обезьян, потерявшие мать. Их кормили, поили, в их клетке было тепло. Чего же им не хватало? И вот в одну клетку поставили «железную маму»: цилиндр, на котором были сделаны как бы соски с молоком. В другую клетку поставили такой же цилиндр, но без молока, зато он был обтянут мягким мехом. Обезьянки с «железной мамой» по-прежнему болели, а с «мягкой мамой» повеселели и начали нормально развиваться. Что же им было нужно? В случае опасности, реальной или мнимой, они могли прижаться к «маме» и чувствовать себя защищенными. И наши дети в трудную минуту должны иметь возможность прижаться к маме. Это важно для их здоровья, и физического, и психического. Что бы ребенок ни натворил, как бы сильно вас ни огорчил - не отталкивайте его. Один известный американский детский хирург сказал, что для нормального развития ребенку нужно двенадцать объятий в день, а для того, чтобы просто существовать - четыре.

А если этого нет? Тогда возникает так называемая «выученная беспомощность». Доказано, что если мать в первые месяцы жизни ребенка не научится по-разному реагировать на разные виды его плача, то когда он вырастет, у него могут быть трудности в общении. А если мама не подходит к плачущему ребенку? Если ребенок старается в школе, но что-то не получается, а мама-папа ругают, учительница сердится? Тогда ребенок может начать болеть. Стресс, связанный с чувством выученной беспомощности, резко снижает иммунитет. Мама

удивляется: «Все здоровы, а мой то и дело болеет. И так в школе проблемы, а он еще и пропускает занятия. Почему?» А потому, что у него ни дома, ни в школе нет чувства защищенности, отсюда – разрушительное чувство выученной беспомощности.

Маленькие дети не бывают ленивыми. На их лень мы списываем свои педагогические ошибки.

Если вам кажется, что ребенок ленив, то, скорее всего, ваши требования превышают его возможности. Ребенок – это вечный экспериментатор. Ему все интересно, он все хочет знать. Но хотеть знать и хотеть учиться – это не одно и то же. Не надо обольщаться: ваш ребенок идет в школу не для того, чтобы учиться, шестилетний ребенок еще не может ставить познавательных целей. Он идет в школу, потому что купят красивую школьную сумку или рюкзак, потому что «днем спать не надо», потому что «надоело в детском саду», потому что «я буду школьником», потому что «мама деньги будет давать на обед». Если ребенок говорит, что хочет учиться, то скорее всего, он просто повторяет слова взрослых.

Шестилетки отличаются тем, что не умеют проигрывать, то есть для них непереносимо знать, что они слабые, неумелые, плохие. Психологи проводили такой эксперимент. Шестилетним и семилетним детям показывали одни и те же картинки. На одной был нарисован мальчик, который пытается поднять ведро и не может. У детей спрашивали, почему мальчик не может поднять ведро. Семилетние отвечали: «Потому что мальчик слабый», а шестилетние: «Потому что ведро тяжелое». Поэтому не удивляйтесь, если ваш первоклассник во всех своих промахах будет обвинять кого и что угодно, но не себя: «Меня Сашка толкнул, у меня ручка плохая». Не надо делать из подобного поведения ребенка трагедию. Не судите его с позиции взрослого. Мягко объясните, что Сашка тут, скорее всего, ни при чем, но не переусердствуйте.

Ребенок в этом возрасте еще не способен оценить себя, результаты своей работы. Он оценивает только свои усилия. Если он старался, то все, что он сделал, ему нравится. Если его оценка совпадает с вашей – все в порядке. Если же ему нравится, а вам нет, то у ребенка два выхода. Первый – как бы не замечать вашей оценки. Вы говорите «плохо», а он не слышит. Нам это кажется проявлением плохого поведения, неуважением к нам. А на самом деле это тот выход, который дает возможность ребенку сохранить себя. Второй выход – поверить вашей плохой оценке его труда, а значит, признаться, что он «плохой». Такая ситуация очень тяжело переживается ребенком, так как он не умеет проигрывать. Это ранит его психику и очень тяжело преодолевается. Именно поэтому будьте осторожны, оценивая работу своего первоклассника или своей первоклассницы! Это не значит, что их всегда нужно только хвалить. Но если вы говорите ребенку, что он что-то сделал плохо, вы должны дать ему почув-

ствовать, что оцениваете только его работу, а не его личность. Он должен чувствовать, что даже когда вы его ругаете, вы все равно его любите.

Нет таких ситуаций, нет таких проступков, за которые родные люди могут сказать ребенку: «Я тебя не люблю». Если вам дорог ребенок, его здоровье, будущее, на фразы такого типа должен быть наложен категорический запрет.

И еще один важный момент. В силу незрелости мозга ваш ребенок еще очень плохо понимает юмор. Поэтому его нельзя поддразнивать. Подшучивать над ним надо очень осторожно. Конечно, чувство юмора надо развивать, но – не обижая ребенка, не травмируя его психику.

Когда мы говорим о развитии мозга, очень важно понимать, что эволюция человеческого мозга закончилась на этапе кроманьонца. Это значит, что все, что отличает нас от кроманьонца: особенности нашей психики и функциональной (а не анатомической) организации нашего мозга, – зависит от того, в какую среду попал ребенок, кто и как его учит и воспитывает. То есть мозг ребенка развивает взрослый человек. Без человеческого общества ребенок никогда не станет Человеком. Вы, уважаемые родители, развиваете мозг своего сына или своей дочери.

В жизни ребенок постоянно включается в решение задач, которые ему пока не по силам. Получилось – хорошо, не получилось – тоже не

страшно: в этом случае все равно идет развитие мозга и психики. А мы этого и не замечаем, видим только одно – «не получилось». Ребенок на то и ребенок, чтобы чего-то не знать и не уметь. И пока он совсем маленький, мы умиляемся его ошибкам и промахам. И это нормально.

Но вот ребенок пошел в школу. Конечно, он будет продолжать делать ошибки и с чем-то не справляться. Обучение идет через ошибки. Они корректируют путь развития, они необходимы. Но очень часто получается так, что мы перестаем умиляться, и начинаем сердиться. Почему? Что он такого сделал? Отсчитал не то количество клеточек, написал не ту букву, неправильно прочитал слово? Мы говорим – невнимательный. А кто сказал, что ребенок должен быть таким же внимательным, как взрослый? Что такое концентрация внимания? Это прожектор, который из всей картины мира выхватывает и рассматривает небольшой кусочек. Мы, взрослые, можем себе это позволить, так как мы уже сформировали целостную картину мира. А ребенок нет. Если бы у него была такая же, как у нас, высокая концентрация внимания, мир для него рассыпался бы на куски. Целостная модель мира у него еще только формируется. Это не значит, что шестилетка вообще не способен концентрировать внимание, но эта способность у него значительно слабее нашей.

Итак, ребенок делает ошибки и не может их не делать. Мы, конечно, должны помочь ему увидеть эти ошибки и исправить их, но при этом важно не превратиться из любящего родителя в злобного цензора. На наш взгляд, один из самых страшных пороков обучения первоклассников – это воспитание боязни ошибки.

Если ребенок панически боится ошибиться, он не ищет закономерностей, не пробует, не экспериментирует. Боязнь ошибки порождает трусость мысли. Он перестает думать, размышлять, анализировать, сопоставлять – он только вспоминает. Он мучительно вспоминает то, что говорил учитель или мама, то, что написано в учебнике. Полученные таким образом знания не встраиваются в целостное мирознание, а слабо держатся в памяти несвязанными кусками. А это значит: ответил и забыл. Или: на уроке типовые задачи решаю, а в жизни применить свои знания не могу. Тогда зачем нам такие знания? Ради пятерки в дневнике, которой можно похвастаться перед родственниками и друзьями, сказав заветное: «Мой-то – отличник!»

А если он не станет отличником? Если он постоянно делает ошибки? Совет один: терпение, терпение, терпение! Стыдно демонстрировать ребенку свое превосходство над ним. На его фоне вы, конечно, умнее. Вы правильно считаете клеточки, знаете, что «корова» пишется через «о»... А что будет, когда он вырастет, а вы состаритесь, и память начнет вас подводить? Вы хотите, чтобы он тогда раздражался и сердился, как вы сейчас, и подчеркивал свое превосходство?

Итак, при первых школьных трудностях надо решить для себя главное: или вы на стороне ребенка против его трудностей, или вы сторонний наблюдатель, или вы обличитель, а значит, на стороне трудностей и против ребенка? Какова ваша цель: уличить в незнании и неумении или помочь научиться? Важно сохранить у первоклассника желание познавать, желание ходить в школу, желание возвращаться домой и делиться с самыми родными людьми своими радостями и горестями, сохранить радость жизни. Он все равно научится читать, писать и считать. Он может что-то не понять или забыть, но если он сохранит желание познавать, все остальное преодолимо. А вот если уже в начальной школе у ребенка возникнет отвращение к учению - это беда.

¹*Аккомодация* – процесс адаптации глаза к ясному видению предметов, удаленных на разные расстояния.

Из журнала "Практика образования", №2, 2005 г.
Валентина Дмитриевна Еремеева,
кандидат биологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики детства СПбАППО.

Дошкольник становится школьником

В жизни ребенок постоянно включается в решение задач, которые ему не по силам. Ребенок на то и ребенок, чтобы чего-то не знать и не уметь. И пока он совсем маленький, мы умиляемся его ошибкам и промахам, его неумелости. И это вполне понятно. Но вот ребенок пошел в школу...

Что его ожидает? Как правильно реагировать на это взрослым? Об этом и продолжает разговор **Валентина Дмитриевна Еремеева**, кандидат биологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики детства СПбАППО.

Ребенок многое чувствует тоньше нас, но не может нам рассказать об этом. Почему? Для ответа на этот вопрос придется немного поговорить о том, как устроен мозг человека, и об отличиях в функциональной организации мозга взрослого и ребенка. У нас с вами два полушария. Правое принимает основную информацию от левой стороны тела: левой руки, ноги, глаза, уха, кожи и мышц слева, — а левое от правой стороны: правой руки, ноги и так далее. Но главное, что эти два полушария, которые, казалось бы, должны быть симметричными, перерабатывают информацию по разным принципам. Правое — целостно, во всем объеме конкретных ее проявлений и индивидуальных особенностей. Оно создает тот самый целостный фундамент, без которого невозможен тонкий анализ деталей. Оно позволяет нам видеть мир панорамно. В нем преобладают длинные нервные пути, которые связывают между собой далеко отстоящие зоны мозга, разные по своим функциям. Левое полушарие дробит информацию, членит ее, разбивает на блоки, отбрасывает конкретику и нюансы, а значит, классифицирует. В нем преобладают короткие нервные пути, соединяющие ближайшие точки мозга внутри одной функциональной зоны. Это создает возможность для точного анализа, более точного управления движениями (вот почему правая рука у большинства людей более искусна). Только в левом полушарии у человека есть центры речи. Почему они возникли именно в левом полушарии? Потому что «слово изреченное есть ложь». Любое слово классифицирует, отбрасывает конкретные характеристики, нюансы, сиюминутные отличия. Левое полушарие структурирует информацию, выстраивает причинно-следственные цепочки.

Но у нас один единый мозг, единое сознание. Это достигается тем, что полушария соединяются мощными пучками нервов, что позволяет им обмениваться информацией и результатами ее переработки, а также координировать движения правой и левой стороны тела.

Индивидуально у одних из нас относительно более активным является левое полушарие. Такие люди чаще бывают «технарями» (но не обязательно получают именно техническую специальность). Они последовательны, четко формулируют свои мысли, способны к скрупулезному анализу и детализации, но «за деревьями могут не увидеть леса», не всегда схватывают целостно, могут не увидеть главного. У других относительно активнее правое полушарие. Это «образники», которые мыслят целостно, панорамно, за морем деталей, фактов способны увидеть главное, что их объединяет. Они не всегда четко формулируют свою

мысль, могут быть импульсивны и несколько сумбурны, зато не жонглируют словами попусту.

Какое же полушарие преобладает у ребенка? Конечно, еще до рождения начинают работать оба полушария, но, чем младше ребенок, тем он как бы более правополушарен. Это относится и к тем, кто с возрастом станет выраженным правополушарником, и к будущим левополушарникам. Сначала надо построить целостный фундамент мира, схватить принцип, а потом уже разбираться с деталями. Иначе не выжить. Кроме того, у детей, особенно у мальчиков, пучок нервов, соединяющий два полушария, непропорционально мал, то есть у детей обмен информацией между полушариями, по сравнению со взрослыми, затруднен. По-видимому, природа не зря так устроила. Если бы у маленького ребенка с еще формирующейся функциональной асимметрией мозга была бы мощная связь между полушариями, трудно было бы сформировать специализацию правого и левого полушарий.

Как же особенности мозга ребенка сказываются на процессе школьного обучения? Ребенок воспринимает мир целостно, и ему очень трудно дробить целое на части, например, целое слово на корень, суффикс, окончание, приставку. Ему трудно оперировать абстрактными, то есть не имеющими конкретного смысла, категориями. Наши условные обозначения и условные договоренности могут быть для него трудны. Конечно, к шести годам дети уже играют в игры, в которых реальный предмет заменяется его условным заместителем (вместо ножа щепочка, вместо тарелки листик, вместо лошади стул), но он все же хоть чем-то похож на свой прототип.

Восприятие ребенка отличается от восприятия взрослого, так как правое полушарие у него лидирует, а в этом полушарии тесно связаны между собой, например зрительная и слуховая зоны мозга. В результате у ребенка слова могут иметь цвет и текстуру. Отдельные звуки или целые слова могут быть красными или синими, гладкими или шершавыми, мягкими или колючими, холодными или теплыми. И это зависит не от смысла слова, а от его звучания. Поэтому те цвета, которые мы выбираем для условных обозначений, могут казаться ребенку «неправильными», он видит их в другом цвете. Ему может не нравиться какое-то окончание, «потому что оно соленое». Если ваш ребенок говорит нечто подобное, не торопитесь обвинять его в глупости. У него есть то видение мира, которое многие из нас уже потеряли – синестетическими образами. И запоминает он не так, как мы. Мы чаще храним информацию в памяти по рубрикам, как в библиотеке, а он по синестетическим образам и эмоциональным меткам. Нам, чтобы извлечь из памяти, надо отнести искомое к определенной категории, а ему - к определенной ситуации или образному семантическому полю. Механическая память у многих детей тоже хорошо развита, но, если опираться только на нее, пятер-

ки, возможно, будут, а вот знания, которые можно использовать в любой нестандартной ситуации – вряд ли.

Какие еще трудности могут подстергать некоторых первоклассников? Об элементах зеркального письма мы уже немного говорили (на самом деле есть семь видов зеркального письма, мы говорили только об одном: реверсии формы). Но есть еще и зеркальное чтение. Некоторые дети читают, особенно короткие слова, в другую сторону: вместо «от» - «то», вместо «сон» – «нос». В чем дело? Давайте разбираться. В русском языке слова читаются и пишутся слева направо. Это направление врожденное? Конечно, нет. Иначе более миллиарда людей на Земле не читало бы справа налево. Но почему же одни дети испытывают подобные трудности, а других сия чаша миновала?

Оказывается, существует индивидуальное предпочтение направлений. Если ваш ребенок предпочитает считывать зрительную информацию справа налево, то не исключено, что и читать он попытается так же. Как это проверить? Предложите ребенку картинки, на которых в один горизонтальный ряд расположено несколько предметов или животных, и попросите их назвать. Если он всегда начинает название с самой левой картинки, скорее всего трудности зеркального чтения ему не грозят. А если всегда начинает с правой? По большому счету, такой ребенок ничем не хуже по интеллектуальному развитию, но, скорее всего, в период обучения чтению на русском языке он испытает некоторые трудности. У одних детей они мимолетны, а другим предстоит тяжелый период перестраивания своих предпочтений, а это не только психологическая, но и нейропсихологическая перестройка. Если бы этот ребенок учился читать по-арабски или, например, на иврите, он, наверное, был бы самым успешным.

Итак, подобные трудности связаны с особенностями функциональной организации мозга, поэтому винить ребенка за «неправильное» чтение безнравственно. И, несмотря на то, что у вас самих в детстве таких проблем могло не быть, именно от своих родителей он получил такой тип мозга. Вы ведь передаете ему по наследству не только те признаки, которые проявились у вас, но и те, которые получили от своих родителей или более далеких предков (может, даже от прапрапрабабушек и прапрапрадедушек), но они хранились в скрытом виде в генетическом коде. Так кто виноват? И вообще, вина ли это? Если все наши достоинства имеют и обратную сторону, превращаясь в какие-то недостатки, то и наши недостатки могут оказаться обратной стороной наших достоинств. Возможно, в первом классе эти особенности организации мозга мешают ребенку успешно учиться, а вот когда он вырастет, позволят ему увидеть, почувствовать и совершить то, что не дано его более успешным одноклассникам.

Может быть, у вас сложилось впечатление, что я призываю отпустить ребенка плыть по воле волн и ни во что не вмешиваться. Конечно, это не так. Но педагогика такая тонкая наука, что приходится все время идти, словно по канату. А родитель - это первый педагог. И здесь нужно не только знать педагогические приемы, но и чувствовать своего ребенка. Не торопитесь обличать его и награждать обидными словами: лентяй, невнимательный, неряха, тормоз, тупой, весь в ... (отца, мать, деда и т.д.). Попробуйте встать на его место, посмотреть его глазами, пережить его чувствами, понять его трудности. Вы же не перестанете любить его только из-за того, что он вместо «о» в который раз написал «а». Он не перестанет быть вашим любимым сыном, а она дорогой дочуркой. Постарайтесь и вы остаться любимыми и самыми-самыми лучшими в мире родителями для своих первоклассников и первоклассниц.

Из журнала "Практика образования", №3, 2005 г.

Валентина Дмитриевна Еремеева,

кандидат биологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики детства СПбАППО.